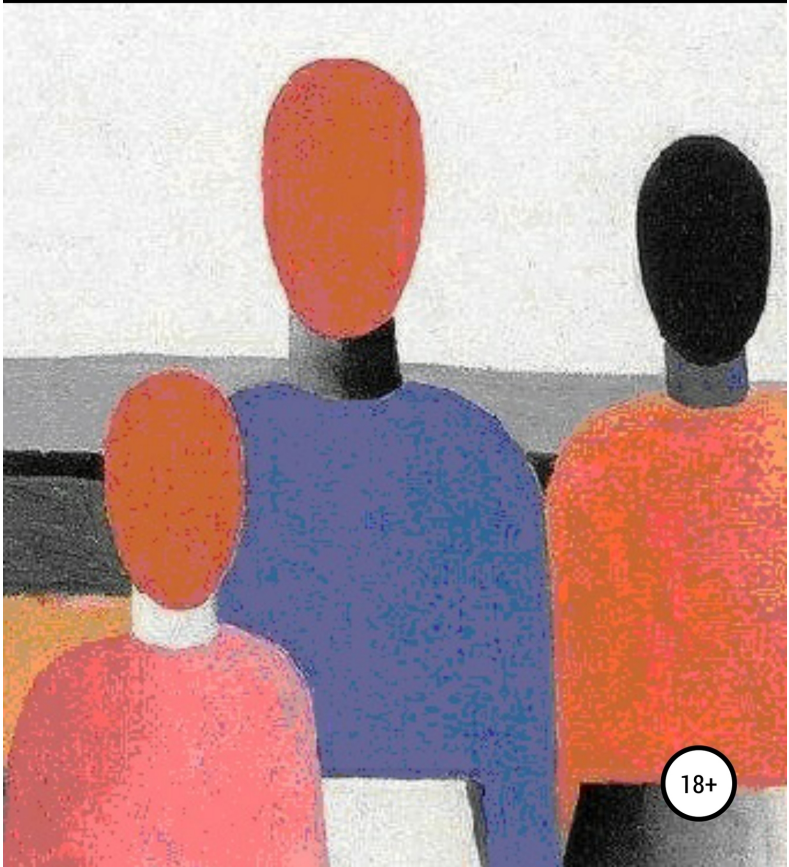
Ваня Кирпичиков

Художник



Ваня Кирпичиков
Художник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49791648
SelfPub; 2020

Аннотация

Альтернативная реальность. Одиночество. Абсурдное существование. Своеобразная философия. Авторские неологизмы.

Ардальон Африканыч Безуглый вел тихий, можно сказать, загробный образ жизни. Людей не любил. Не выносил их вида. Ему противны были их устремления в какие-то полурайские дали. Ненавидел их бессмысленные и тупые мечты-дыбы. Африканыч икал только от одной мысли, что в мире существует такое слово “мечта”. Это дичайшее, по мнению Ардальона, словечко вызывало трансцендентную тошноту и потустороннюю тревогу. “Кто же эту дрянь придумал? На кой нужна это погань?” – негодовал Африканыч, размышляя о данном паразитном словце-нелепости. “Одурманенные люди, жалкие тени своих мечт! Что они все?! Прах! Прах некоего ничто. Прах непонятной материи без смысла, конца и начала!” – не унимался Ардальон.

Дабы лишний раз не видеть серомышинный вид человечков, Африканыч уныло и призрачно растворялся в своей комнатенке и нещадно лил в себя какие-то напитки-полулекарства, наполненные чудными мгновениями. Те жидкости, от которых все кипело внутри и от которых было легко и уютно на душе. Выходил на улицу редко – что-то купить непотребное, чего-то поесть невкусного, где-то радостно погадить на род человеческий, показать свой нездоровый вид отшельника, исказить окружающий мир своим нетривиальным присутствием и вернуться бегом, на полусогнутых ножках, как нашкодивший пацаненок, в свою тихую заводь. Спрятаться и не видеть никого. Заскочив в свои апартаменты-каменоломни, он сначала подходил к зеркалу-пропасти,

подолгу смотрел на себя, а потом, плюнув в свое отображение, бросался в ласковое кресло и самовлюбленно восклицал : ”Какая же я сука! Никчемное тело! Но…но!.. за окном и дверью хуже меня в разы. Там манекены и мракобесы. Ха…ха…ха…Какая же тварь придумала их? Неужели та, которая вечна? Ха…ха…ужас! Я в диком помешательстве от бесполезности этих существ-амеб. Вселенский кошмар! И он повсюду…”

Ежедневно, допивая бутылку алкогольного сырья, Африканыч разбивал ее об стенку с криками злобы ко всему миру. После чего, внезапно успокоившись, погружался в философские океаны. В собственном шабаше, с собственными крысами и русалками в голове ему было спокойно и приятно. Иногда, очнувшись от похождений в хитросплетениях собственных мыслей, Ардальон снова становился агрессивным. Это происходило тогда, когда он случайно, краем глаза, видел себя в зеркале. Данный факт Ардальона бесил и посему в один из сумрачных дней, изрядно испив крепких настоек, Африканыч разбил-раскрошил все зеркала в доме. ”Ему не достанется! Теперь не будет усмехаться, дутый господин всея сущего!” – радовался он, показывая неприличный жест куда-то в сторону, где, по его мнению, был хозяин сущего. “Ничтожество паразитирует и хочет меня упечь в свое логово. Но я не дамся просто так! Сгину в утробе дьявола или… как его там…демона. Того, который меня спасет. А может и он меня предаст? Ха….ха…скорее так и будет. Предаст и он,

повелитель какого-то ада, очередной выдумки людишек. Где же правда? ” – неистовствовал Ардальон, брызгая кипящей, кислотной слюной.

В конце каждого пьяного карнавала Безуглый фанатично подытоживал : “А ведь все, кто сейчас живет в мире исчезнут…через сто лет они все пропадут…сгинут…просто уйдут все в ничто. Исчезнут целые поколения людишек. И никто уже никого не увидит. Никогда. Сейчас…вот они ходят, чего-то там делают, разговаривают друг с другом, а между делом среди них никто не думает, что они скоро все превратятся в труху. Целые города и страны пополнят мир мертвых. Ха…”

Затем резко умолкал, испугавшись своих мыслей, бледнел и чертил углем на стенке комнаты какие-то загадочные символы. “Что я пишу? Что это значит? Я не понимаю, что я делаю! Кто мной руководит?” – визжал истерически Африканыч. Наконец, обессилив от алкогольных припадков, Ардальон посыпал свою голову углем и падал где-то в углу, уходя во сны неземные и радужные.

Пил Безуглый долго, плотно и уверенно. Иногда задорно, но в основном мрачно. Поэтому все стены были разрисованы буквами-символами. Африканыч, трезвев, пытался их прочесть, но…снова срывался в запой, как в сумасшедший спектакль в луна-парке. Трясясь, он двигал руками по стене, по символам в надежде уловить смысл написанного им, но через некоторое время сползал на пол и извергал руга-

тельства и несуразную брань в направлении неведомых демонов-ангелов, якобы ответственных за эти неподвластные уму руны-буквы. Вскакивая, он подбегал к окну и молил о помощи у людей-тли. Всхлипывая, просил их прочесть эти буквы, но опомнившись и поняв, что унижается, обращаясь к существам падшим, краснел и злился. Никто не видел истерик Африканыча. Только разрисованные некростены хранили в себе чудные концерты-перфомансы Безуглого-алкомученика.

Однажды случилось так, что странным образом Ардальон не пил десять дней. Пытал себя. Глумился над своим органическим туловищем. Но даже и тогда он бессознательно и кем-то заговоренный чертил странные символы на стене. Да только теперь к ним добавились изображения-контуры детей – так виделось Африканычу. Теперь на стене царил ужас – неразборчивые и неотождествленные Ардальоном писания и искаженные фигуры детей-призраков. Безуглый пытался распутать весь этот кошмар, дать какие-либо объяснения себе, но мысли упирались в тупики-зигзаги. Полотно из адских иероглифов и пришельцев-детей украшало стены дома Африканыча. Ультрачудесно! Мегакрасота! Супрематично!

Иногда эта мракогалерея нравилась ему. Он даже в порыве потусторонней любви ко всему неживому торжественно восклицал: ”Гениальное и гармоничное творение! Верх совершенства! Кладезь мудрости! Я восхищен этой картиной! И ее создал Я! Я – великий художник, прорицатель сего па-

губного мира. Это полотно – бескрайняя истина всего сущего! Я – носитель истинного знания, я – его руки. Истина мною руководила, и поэтому на стене родился вселенский и вечный шедевр!" В те моменты Африканыч чувствовал себя властелином всего. Ему казалось, что вот-вот и он прочтет все тайные настенные каноны. Но расшифровать удалось только слова – "Помоги" и "Мы одиноки". "Кому помочь? Себе? Кто такие "мы"? В комнате есть еще кто-то? Может это детям помочь? Где они? Дети…дети…" – рассуждал Ардальон, смотря на кусок разбитого им ранее зеркала через пустую бутылку из-под коньяка.

Как ни старался Африканыч, но постичь остальные криптобуквы ему не удавалось. Он пытался ввести себя в транс, дабы проникнуть в шифрограммы. Для этого он пил какие-то смеси-снадобья из галлюциногенов, кои были в достатке в кладовой. Ардальон хотел с помощью алкоголя и разной чернодури перемахнуть в то Риманово пространство, в то поле Дирака, где нашел бы зацепку для познания остальных слов на стене. Но кроме, как наркопсихоза и бесконечных умозаключений о том, что все скоро сгинут в Ничто или в какое-то великое Все, у Безуглого ничего не выходило. "Какие-то твари не дают мне знания! Они меня не пускают!" – ругался Африканыч, упираясь взглядом в контуры детей.

Ардальон в пылу неудач решил поговорить со стеной. "Вдруг меня услышат эти дети, деточки, детишки…поганые твари. Может заговорят. Или как-то по-другому дадут о се-

бе знать. Может они что-то ведают о надписях на стене…” – бредил Африканыч. Но стена молчала. Диалога не получилось. Остервенев от бесполезных попыток общения, Безуглый стал царапать стену ногтями в надежде найти скорый доступ к неизведанному знанию. Измучив пальцы-скребки и всего себя, сполз к полу и стал выть. “Ничего не получается…ничего…кто они?…где они?…кому помочь?” – стонал монах-отшельник.

Однажды сын Африкана, с неповторимым и изысканным именем Ардальон, зашел в аптеку, чтобы купить себе различных медикаментов, дабы они увлекли его в какую-нибудь райскую республику-край или в чудокалейдоскоп с различными инопланетными зверушками. Как обычно, он подошел к прилавку и стал дрожащим и заикающимся голосом о чем-то просить провизора-спасителя. И вдруг ощутил сильное притяжение. Притяжение к стене. Здесь. Внутри аптеки. Ардальон бессознательно зашуршал своими ножками к стеночке. Остановился, пройдя пять шагов, и начал, как заговоренный, рисовать на стене аптеки непонятные никому символы и вездесущих детей. Рисунок напоминал те каракули, которыми он расчертил свою жалкую лачугу, и которые воспринимал не иначе, как шедевр – опять деточки…мерзкие и противные в окружении незнакомых букв.

Аптекарша выбежала к великому художнику всех времен и народов и стала кричать на него за порчу стены, угрожая какой-то там расправой, на какой-то там общественной Гол-

гофе. Но видя в глазах живописца ужас небытия, того, который сформировался в квартире Ардальона, сына ушедшего в прекрасное никуда Африкана, впала в транс-нирвану и восвояси удалилась к себе за прилавок, как побитая собака, искалеченная увиденным. А…дети и символы остались! Они комфортно смотрели на входящих в аптеку. Или сквозь них…туда, куда им надо было смотреть. В предписанную им сторону.

Тоже случилось со стеной булочной, куда Безуглый-бродяга случайно попал по пути домой. Он нарисовал уже две копии своего шедевра – в аптеке и в булочной. Дети и мракосимволы преследовали инока Ардальона. ”Что они от меня хотят? Чего прицепились ко мне?” – задавал себе вопросы художник-авангардист.

Африкан каким-то образом ведал, что такие испытания будут мучить его сынка с таким расчудесным именем Ардальон, и он ему помог…Видимо, что-то знал. А может возлагал какие-то надежды?! Состоялся серьезный разговор. Отца с сыном. Говорил о-великий Африкан. Тот, который добропорядочно размещался где-то в счастливом небытии. Сеанс связи состоялся в комнате Ардальона в тот момент, когда тот впустил в себя алкоголя знатно и без всякой меры. Для воображения, куражу и отображения всего неувиденного наяву. Африкан стал кратко транслировать-индуцировать следующие слова:

– Ардальон… появление детей – это знак. Следуй ему.

Ардальон, не получив ответа, раздраженно прошипел:

– Что я должен сделать, чтобы избавиться от этих…гаденышей? Чего им надо? Это они просят о помощи и скулят, что они одиноки, генерируя свои мольбы на моих стенах?

– Ардальон, эти дети – странники. Узники кладбища. Они заключены на этих мрачных просторах. Они странствуют…взявшись за руки…девчонка и мальчик…потерявшись в пространстве. В пространстве кладбища. Они являются в миру в виде контуров с неизведанными символами, сигнализируя о своем существовании, прося о помощи и жалуясь на свою судьбу. Отсюда я хорошо наблюдаю их мытарства, их бесконечные странствия по кладбищенским просторам. Они молчаливы и печальны. Им недостает…тебя. Они тебя ждут.

– Африкан, я не испытываю жалость к ним, несмотря на твою слезоточивую сказку оттуда, из мира мертвых. Я устал от их присутствия здесь, в миру. Я ненавижу этих детей. Скажи, Африкан, я повторяю, как мне избавиться от этих живописных призраков? Помоги мне, Африкан, Африкан, Африкан, а не им! Я больше одинок, чем они! Я здесь тоже мучаюсь в поисках лучшей доли. Мне начхать на них. Я одинок. Вот… И мне нужна помощь!…а нужна ли мне помощь?… Африкан, я утомился, заблудился…помоги!

– Ардальон…дети…дети…иди к ним. Я тебя прошу. Тебе не совладать с ними. Смирись.

– Дети меня измучили, безусловно, но не до такой степени, чтобы я падал перед ними ниц… Африкан, покойся с

миром…

С этими словами неудовлетворенный Ардальон допил животворящую жидкость и нагло уставился в стену. Туда, где были злые дети-символы. Он уже решил…

На следующий день Безуглый выдвинулся из своих райских кущей в сторону местной достопримечательности – шикарного пятизвездочного отеля под романтичным названием ”Кладбище”. Цель – найти и обезвредить мерзких детишек, так мучивших его. Прибыв в городские мертвокварталы, Ардальон стал внимательно искать причину его терзаний – пацана и девку. Блуждая среди бараков и замков усопших, он иногда беспричинно смеялся, заглядывал себе под кофту с целью кого-то там найти. Прислушивался и принюхивался, как будто хотел учуять детвору. “Они где-то здесь… здесь..скоро найду..скоро…” – шептал Ардальон себе и кому-то еще…

Они стояли среди плодовых деревьев, держась за руки, и смотрели вдаль. В ту даль, где все известно и знакомо. Африканыч увидел их. Он не мог пройти мимо. Они были главными на этом празднике жизни. Ардальону стоило немало сил и терпения, чтобы сразу не кинуться на его обидчиков. Он стал наблюдать – дети стояли почти неподвижно и лишь изредка испуганно поворачивали головы. Все остальное время они глядели в глубокую перспективу. Известную им и любимую ими.

Не выдержав ситуации, искатель миропорядка обратился

к ненавистным детишкам:

– Эй, вы…как вас там…твари! Вы чего мне жить мешаете?

Девчонка, обернувшись на Ардальона, невозмутимо ответила:

– Мы не твари. Я…Аленушка. Он…мой братец Иванушка. Пойдем мы тебе что-то покажем.

Она взяла за руку Иванушку, дьявольски рассмеялась и все пошли в сторону брошенного склепа. Остановившись возле входа в полуразрушенный домик, Аленушка начальственно указала Ардальону, предварительно отхлебнув из бутылки некросамогон:

– Заходи и будь как дома. Это твоя жизнь. Твое предназначение! Иди туда…

Африканыч, обезумив от такой наглости со стороны девчонки, с удивлением обнаружил, что его тело неосознанно двинулось к входу склепа. Как побитый раб, он зашел в унылое кирпичное сооружение. Оказавшись внутри, Безуглый слегка вскрикнул, широко открыв глаза – здесь все было так, как у него дома – и мебель, и ковры, и…ну все. Копия его комнаты. Тут было даже окно. И там…за окном…ходили ненавистные Африканычу людишки. С их мерзкими мечтами. Выбегая из склепа-комнаты и крепко держа в своих мокрых штанах ужас, он краем глаза заметил, что на стене появились контуры детей-призраков – Аленушки и ее братца Иванушки с криптосимволами. Они как будто улы-

бались. А…неизвестные буквы на стене уже что-то напоминали. Что?!

Не дав опомниться Ардальону, Иванушка указал вдали кладбища-сада еще один склеп, проглотив внутрь какую-то звенящую дурь:

– Иди туда и знай кто ты.

Безуглый, одурманенный увиденным, покорно залез в указанное чудное строение – здесь также все напоминало его комнату. Точь-в-точь. Все тоже окно с нелюбимыми людьми. И…стена с очертаниями детишек. Здесь Иванушка и Аленушка уже явно радовались. А символы…"Так это же… это строки…кажется…из какого-то священного писания! " – мрачно прошептал Африканыч, выходя их склепа, как затравленное неорганическое животное.

На поверхности его ожидали смеющиеся детки – Иванушка и Аленушка с потрепанной главной книгой в руках и жующие остервенело яблоки-конфетки. Стал молвить Иванушка, неустанно грызя плод ангельский:

– Тут в округе все твое. Твои владения. Заходи в любой склеп-могилу и чувствуй себя как дома, но не забывай, что в гостях. А хозяина можешь и расстроить…Будь покорным!

– Как…какого хоз…хозяина? – заикаясь, ответил Ардальон.

– Да ты не бойся…кто был в склепах, те уже растворились в сумерках ничто. Есть тут…другой…мы его боготворим. Он тут хозяин. Он вроде есть, а вроде и нет…сами не

поймем. Он незрим. Он повсюду.

– И что он? Кто? И почему…почему во всех склепах, как у меня дома?

– Хм…почему…почему…ну потому что этот мир создан только для тебя и нас. И это мир – кладбище. Все строения в этом мире – это просто склепы под вывесками аптек, магазинов, жилых домов. Людишек, так ненавистных тебе, не существует. Они призраки. Их нет. Не зря ты их презирал. Ты бродил по улицам не среди домов, а среди склепов. Ты говорил не с людьми, а с приведениями какого-то несуществующего мира, который неподвластен тебе и нам.

– А как же Аф…Аф…Африкан? Он кто? Он же мой отец. Не призрак. Он дал мне знание о вас. А очертания? А символы?

– А…это мы тебя искали…третьего…нам задача такая была поставлена хозяином…поэтому всячески сигнализировали повсюду – через свои контуры у тебя в комнате, через послания на стене. А про Африкана мы не знаем!!! Ардальон, в этом мире нет никого, кроме нас троих – меня, Аленушки и тебя. Неуютно нам было без тебя. Мы тоже были одиноки и вот теперь встретили тебя – третьего. Кругом пусто. Одни склепы и безмолвие. Таков мир. Правда…правда…есть бог. Мы его ни разу не видели, но постоянно ощущаем его присутствие. Мы уверены, что он построили для нас мир-сад. Со склепами. Где нас всего трое. Ну…ну и он…где-то рядом. Главный.

– Иванушка, а бог – это кто?

– Хм…он главный и вселенский владыка. А мы…мы просто существуем. Созданы для каких-то целей.

– А ты уверен, что он главный, Иванушка?

– Ардальон, уверен. Это знание. Оно всегда есть с нами.

– Послушай, Иванушка, а может и над вашим главным есть суперглавный, а?

– Об этом не думали. Это ересь.

– А, кстати, Иванушка, а может у суперглавного тоже есть свой хозяин и так до бесконечности?

– Ардальон, повторяю – ты несешь ересь.

– Хм…ересь…ну уж…этот главный может тут и главный, но не везде.

– Везде? Это где, Ардальон? Везде для нас – это наш мир со склепами. Больше ничего не существует. Вот. А ты про что говоришь – мне неведомо.

– Да, детвора, вы меня удивили этим миром. Но мне кажется, что все совсем по-другому обстоит.

Тут Иванушка и Аленушка злобно взглянули на Безуглого и громко заорали:

– Не гневи бога!

– Какого бога? Есть ли он? И зачем он нужен ваш бог. Пустышки вы и ваш выдуманный бог! Его нет! Но если он и существует, то почему это не я, например, Аленушка? Или может бог Иванушка, а? Да! Иванушка – бог! Он создал весь мир. А здесь стоит и прикидывается простым мальчиком, а?

Врет всем. И мне. И тебе, Аленушка. Кругом ложь! Ложь! Истины нет! Аленушка, а может ты богиня и всеми тут играешь?…Богом может быть даже кто-то из ненавистных мне людей…там…за окном моей комнаты-склепа. Может Африкан бог, а? Я не понимаю назначение бога, если таковой есть. Мерзость и вранье кругом. Я не верю никому! Почему вы решили, что он повсюду главный? Покажите мне его. Я ему расскажу, кто и где хозяин. Я сам себе бог!

– Ардальон! – не вытерпела Аленушка, – ты заблудился! Он создатель всего! Он начало начал!

– Аленушка, ты врешь. Я тебе не верю. Я тебе не верю просто потому, что кругом вранье! Ваш главный – есть лжец! Самый главный! Он посеял кругом вранье и поклонение себе любимому. А создатель всего – это я! Докажите, что не я! Докажи мне, Иванушка! – остервенело рычал Ардальон. – Я! Я! Я всегда прав!

Тут резко все замолчали и погрузились в местную темноту. В ту, где все понятно и на все вопросы есть ответы. Через квант лжевремени они вернулись оттуда одухотворенными и спокойными. Первой медленно заговорила Аленушка. Она тянула слова, пьяная уж совсем:

– Аааафрииикаааныыыч, тыыы быыыл вниимаатеелееен, коогдааа нааахооодиииилсяяя в склееепааах?

– Не совсем, Аленушка. Увидел, что все, как у меня дома и выскочил. А что?

– Ииидии ещщще поосмоотрии.

Безуглый покорно пошел в сторону склепа. Зайдя внутрь, он снова удивился, увидев предметы своей комнаты. Все было на месте. Ничего незнакомого не было. Та же кровать. Те же стены. То же окно, за которым мучились-ходили людишки-призраки. На стене красовались очертания Аленушки и братца Иванушки. Но…в углу висела картина-икона, которую Ардальон ранее не видел. “Вон оно что! Вот про что говорила Аленушка!” – очарованно прошептал Африканыч.

На иконе-картине в золотой оправе были изображены три лица – Иванушки, Аленушки и…Ардальона Африканыча Безуглого! Троица.

Пробежав по всем склепам кладбища, он увидел в каждом из них икону с троицей. Африканыч не поленился и вернулся с кладбища к себе домой. В углу его комнаты висела все та же икона-картина. ”Как я ее раньше не видел?” – недоумевал Безуглый, возвращаясь к Аленушке и Иванушке.

– Что это все значит? – нервно спросил Ардальон у них.

– Это значит, Ардальон, что ты – составное звено, третий недостающий элемент нашего единства. Единство состоит из нас и тебя. Мы тебя искали. Нам не хватало третьего. И вот нашли. Мы вместе. Мы долго блуждали здесь, в поисках тебя. Искали того, который изображен на иконе вместе с нами. Наконец, нашли. Но самое главное не в этом, а в том, что нас здесь старшими определил он – Бог. Он назначил нас смотрящими. Мы, троица – послы его в этом мире. Назначенные. Маленькие божества. И он тот, кто создал эти ико-

ны. Он ХУДОЖНИК. Он Творец всего сущего, а мы его подданные. Он незрим. Он всемогущ. Он бог! – торжественно провозгласил Иванушка.

– Ну…если это и так, то почему все так поганенько в этом мирке, где мы являемся главными? И кем тут командовать да в свою веру обращать – мы тут троем и какие-то призраки в виде людей? Попахивает очередным обманом, хотя…хотя властью нас наделили! – не переставая, задавал вопросы Африканыч.

– Поганенько…непоганенько – какая разница?! – дерзко ответила Аленушка. – Мы здесь главные и это установил Бог. Забудь свои бредни, ты здесь обозначен начальником, чуть ли не вторым лицом после Него. Разве тебе не все равно? Пользуйся. Скоро и приход появится. Разделяй и властвуй.

– Аленушка, а кто из нас главный? Из троих? Или мы друзья и все равноправны?..Уж в это я не верю.

– Мы равноправны. Мы единое целое, Ардальон.

– Подожди, если на иконе по центру нарисован Иванушка, то значит он главнее среди нас, не так ли? То есть единства не может быть. Он главный, а мы подмастерья, а? Если мы и едины, то все равно где-то грязь будет в отношениях. Или у Него все по-другому? Аленушка, я уверен, что я нечистое создание от Бога. И вы тоже. Нас просто здесь назначили руководить. Сделали из нас псевдобогов, развесили в каждой конуре и чего-то добиваются. А может и толка от нас никакого? Так…для забавы все закрутил ваш верховный. Вы уве-

рены, что мы не передеремся между собой за какую-нибудь мелочь? Или не уничтожим друг друга за какой-нибудь кусок чего-либо? Мне вот…Аленушка, ты совсем не нравишься. Просто так. Мне бесит твоя рожа! Мерзкая и слащавая, полная лжи. Я тебя ненавижу. И что скажешь? Что? И при этом мы должны быть вместе – мы ведь едины, по вашему и Его мнению. Я не думаю, что мы будем рядом, посаженные Им. Не складывается ваша песня, детки. Что-то тут не так. А ты, Иванушка, что замолчал? Ты центровой на иконе! Лукавишь? Все знаешь и молчишь?

– Ардальон! – отреагировал Иванушка. – ты слишком далеко копаешь. Не стоит. Зло в тебе кипит. Успокойся. Договоримся.

– Что договоримся? Если во мне зло, я не могу быть божеством!

– А кто тебе, Ардальон, сказал, что бог должен быть добрым? Он такой, какой есть. Точка.

– Ага…раз нас породили злыми, значит и родитель наш тоже получается злой, так, Иванушка? Он – злой, верно?

– Ну…да! Какая разница! Нас тут определили старшими и это главное. Мы тут вершители судеб. И знаешь…зло у нас может и добром называться. Мы и это вправе определить – мы ведь главные. Ардальон, не вноси суматоху. Распрей не будет, не переживай. Мы единое целое, подчиненное Ему. Он уж знает, как все закрутить так, чтобы всем было комфортно. Мы рулевые, а за нами обоз. Скоро и обоз появит-

ся. Нам же нужны те, кто будет в нас верить и боготворить. Главное кругом расставить иконы, да поплотнее. Глядишь и вера в нас появится. Всем будет хорошо.

– Иванушка, а если я против существующей расстановки сил? Если я не желаю крутиться с вами? А может я не хочу быть элементом вашей троицы?

– Ардальон, ну просто так ты бы здесь не появился. Это божественное указание тебе здесь быть, чтобы восполнить наш союз. Это указание свыше. Не противься, Африканыч. Власть будет у тебя. Почувствуешь себя хозяином. Пить бросишь, наконец. Может и людей-призраков полюбишь. Угомонись. Осмотрись. Не делай скоропалительных выводов. Хотя…я вижу…ты уже принял решение, Ардальон. Не совладать тебе с Ним.

Безуглый от слов Иванушки задумался. Посмотрел на ненавистную ему Аленушку. Зашел в одну конуру-склеп, в другую. Посмотрел в окно в склепе, где ходят людишки-нелюдишки. Опять посмотрел на мерзкую Аленушку и надоедливого Иванушку и подумал: ”Может действительно попробовать. Может привыкну к этим двум составляющим. Буду их слегка обманывать да юлить – глядишь какой-никакой союз будет. Эфемерный или не очень. Авось заживу похозяйски да безоблачно. Может смысл существования где-то будет просматриваться. Но…за ними надо наблюдать – неравен час задушат…так…по какой-нибудь воле…Его.”

И стали они ходить по миру. Втроем. Вскоре и обоз появился – прихожане верные и поклоняющиеся троице – Иванушке, Аленушке и Ардальону.

Африкан самодовольно улыбался, находясь в черном квадрате. Ему нравилось рисовать.

В оформлении обложки использована картина Казимира Малевича «Три женские фигуры» с http://kazimirmalevich.ru/ /